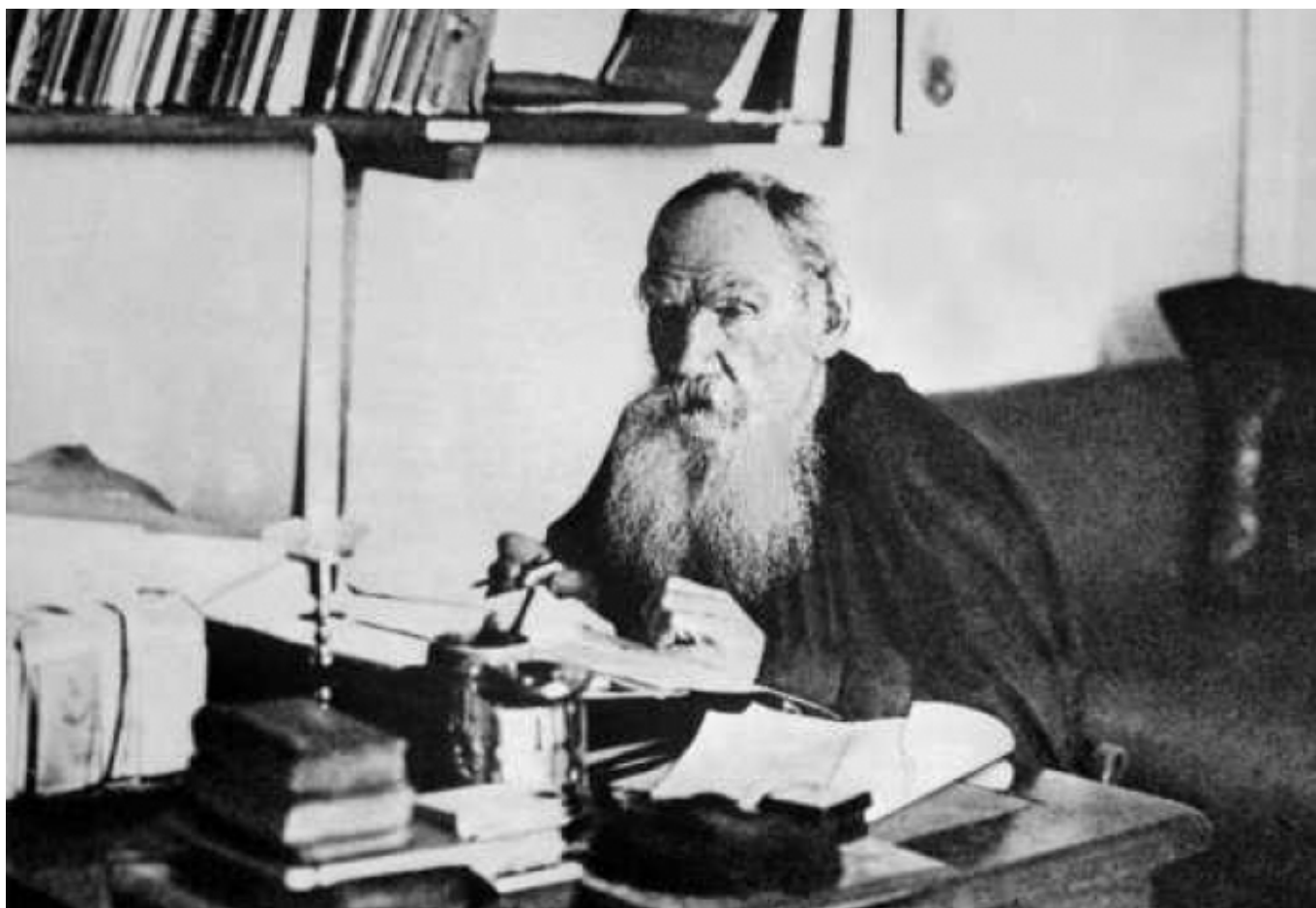

«Крейцера соната» Льва Толстого, или женоненавистничество | "La Sonate à Kreutzer" de Léon Tolstoï, ou la haine de Féminin

Автор: Жорж Нива , Женева, 19. 11. 2010.

Лев Николаевич Толстой (lepoint.fr)

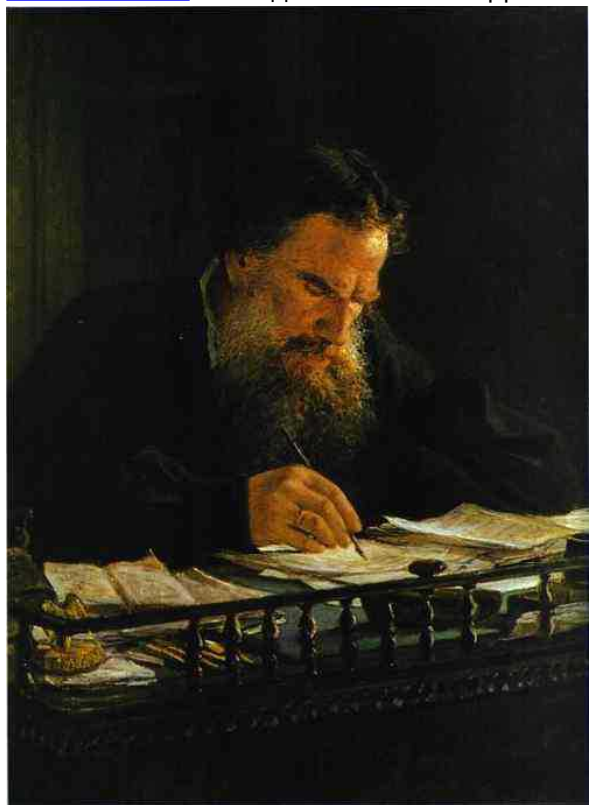
Предлагаемая вашему вниманию статья профессора Жоржа Нива приурочена к 100-летию со дня смерти Льва Николаевича Толстого, отмечаемому 20 ноября. По этому поводу издательством Syrtès впервые выпущены на французском языке две книги, самым прямым

образом касающиеся великого русского писателя. |

Cet article du professeur Georges Nivat est écrit et publié à l'occasion du centième anniversaire de la mort de Léon Tolstoï (1828-1910) le 20 novembre.

«Как же не бояться? После Бирюлево, и даже уже на вокзале, началась мука, которую терпит каждая выходящая замуж женщина». Эта простая фраза Софьи Берс, совсем молоденькой девушки, только что вышедшей замуж за графа Льва Толстого, старше ее на 16 лет, для старой дамы, писавшей свои "Воспоминания" являла собой редкую дерзость: о подобных вещах говорить не полагалось. Состоялось венчание в церкви, мать Софьи приняла хлеб-соль, благословила дочь иконой Мудрости, и Софья ушла в ночь с этим человеком, которым она восхищалась, чье прерывистое дыхание она ощущала на своей шее в коляске, увозившей их в Ясную Поляну, и который должен был лишить ее невинности... Физическая любовь играла большую роль в их долгой жизни, супруги были очень влюблены друг в друга, и Лев страшно ревновал, когда, старея, заметил близость (чисто платоническую) Софьи Андреевны с композитором Танеевым... Музыка и женщина, дьявольский дуэт...

[«Моя жизнь»](#) - это дополнение к «Дневнику» графини, дневнику, который она вела

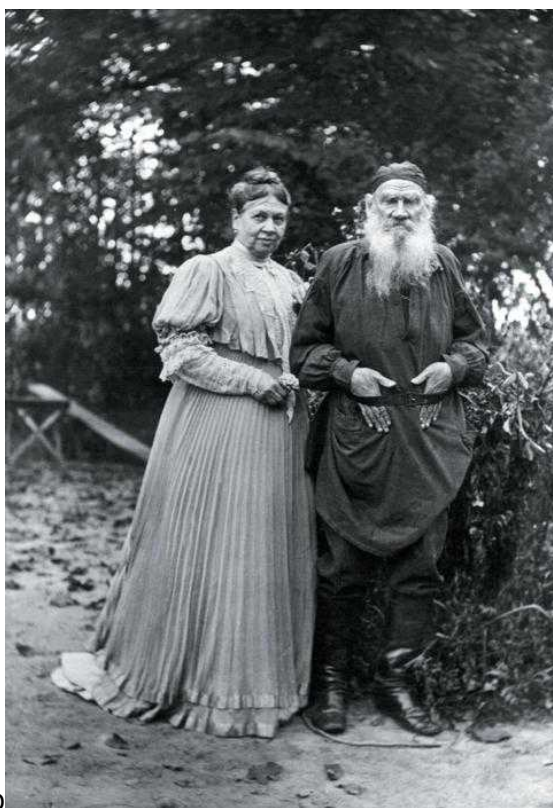

параллельно с мужем. У автора такая же энергия в письме, как и в жизни. В книге присутствуют оставленная в Москве семья, новые знакомые из соседней Тулы, большой и всегда открытый для гостей дом, крестьяне, которых она лечит, смерть Ванечки, последнего сыночка, семилетки, любимца. Есть в ней и все более серьезные разногласия с мужем, решившим дословно следовать предписаниям Евангелия, окруженным последователями – более «толстовцами», чем сам Толстой, атакуемым журналистами, а вскоре и кинематографистами (Pathé и другими), и вопрошаемый молодежью со всего мира: как нужно жить, Лев Николаевич, скажите пожалуйста?

Начиная с 1891 года жизнь Толстого и его семьи становится публичной, большей частью, из-за ведомой Толстым борьбы против «власти денег», против всех новых форм рабства, а также из-за общественной и филантропической деятельности семьи: в 1891 году, когда вокруг Тулы свирепствовал голод, Толстой с одним из сыновей расположился в Бергичеве и организовал там распределение продовольствия. Другой сын был на Волге, графиня, оставшаяся в Москве,

волновалась за всех. Вскоре каждое передвижение писателя стало превращаться в общественную акцию.

Но публичной стала и супружеская жизнь Толстых. Толстой и его жена, Толстой и женщины, две эти темы переплетались. Проблема эта неистощима, Мари Сёмон в своей прекрасной книге исследовала ее с психологической и философской точек зрения (Marie Sémon, « Tolstoï et les femmes », Institut d'Etudes slaves, Paris 1984). С одной стороны, кто лучше, чем он, описывает влюбленную девушку (Наташа, Китти), роды, красоту любви между мужчиной и женщиной? Но с другой стороны, какой взрыв женоненавистничества встречаем мы в его «Дневнике», в «Крейцеровой сонате», на многих ранее незамеченных страницах его романов!

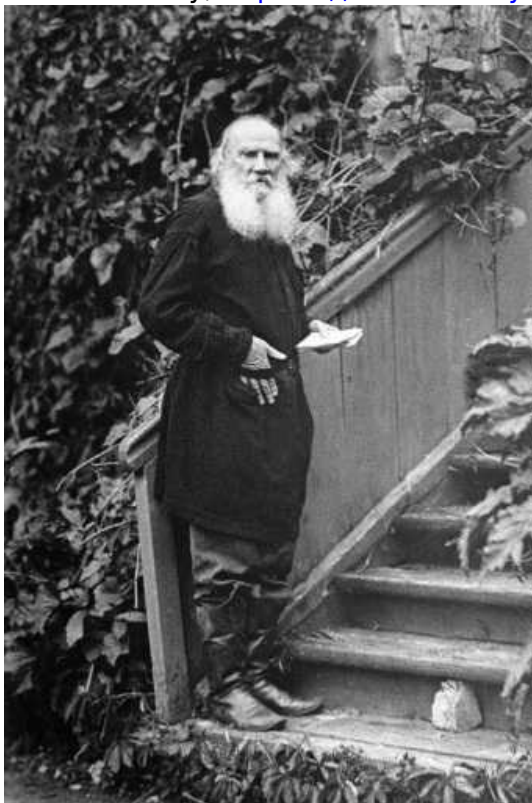

На поверхность выходит настоящая ненависть к женщине, наводящая на вопрос о тайне подсознания. Не только Толстого, но вообще мужского подсознания, каким его видит Толстой. Обращена ли эта ненависть к сексу, является ли она признанием неудачи? Та женщина, мелочность и вечные путы которой осуждает Позднышев в «Сонате» - выступает ли она как отвергнутый полюс мужского я (три рассказа Толстого написаны от лица женщины)?

Этот ад супружеской – что это, отдушина, избавление от ада внутреннего? И этот страстный дуэт двух инструментов в Сонате для скрипки и фортепиано № 9 ля мажор, соч. 47 Бетховена, именуемой «Крейцеровой», которую писатель слушает в исполнении Лясы и своего старшего сына Льва Львовича в своем московском доме на Хамовнической – не он ли повинен в смертельной схватке между Позднышевым и его женой, которую он убьет? Или дуэт лишь ее отражение? Здесь искусство создает жизнь. «Крейцера соната» образовала пропасть между Софьей и Львом Толстыми. Соната стала «реальностью» - не потому, что Толстой убил свою жену, как Позднышев, но потому, что из этого вымысла возник поток непонимания, удвоенный Сонатой. И когда графиня, прекрасно умевшая писать, играть на фортепиано, рисовать, решает написать свою анти-Сонату, «Кто виноват?», она отвечает на этот вопрос довольно банально, но чувствуется трагизм этого непонимания.

Еще больше он чувствуется во втором, неизданном до недавних пор романе, [«Романс без](#)

[слов](#)», отражающем ее влюбленную дружбу к Танееву. А что скажет Лев Львович, старший сын, музыкант, тот самый, что исполнял в тот вечер в Хамовниках фортепианную партию Сонаты, и написал свою собственную анти-Сонату, «[Прелюдия к Шопену](#)», также

опубликованную только сейчас? Он более жестко, чем мать, подходит к проблеме секса. Своему отцу, провозгласившему в тот момент полное воздержание, присоединившемуся к рангам религиозных скопцов, предвещавших конец половых отношений во имя Евангелия, его сын отвечает, что мужчинам, напротив, следует жениться смолodu, чтобы молодая пара вместе познавала свою сексуальность, раскрывалась в ней... Только тогда мы выйдем из порочного круга, заклеянного его отцом – неравенства полов в половых отношениях, борделей, буржуазных домов терпимости, грубой дефлорации молодых жен – всего, в чем признавался его отец в своем «Дневнике», который он дал почитать своей невесте, которой запрещено было найти какой-то мужской изъян в женихе. Когда Позднышев вонзает кинжал под ребра своей жены, он сознает, по его собственным словам, каждую секунду. "Я знал, что я ударяю ниже ребер и что кинжал войдет. В ту минуту, как я делал это, я знал, что я делаю нечто ужасное, такое, какого я никогда не делал и которое будет иметь ужасные последствия".

Это признание, произнесенное шепотом в шуме и во тьме поезда, это признание «меня-убийцы», которое таит в себе каждый мужчина, это непреодолимое влечение к Танатосу, скрываемое Эросом. «Няня! он убил меня!», выкрикивает жена. Мужской род глагола важен для Толстого, так как для него это именно Мужское убивает Женское. А Женское сокращается до полного исчезновения.

Портрет Льва Толстого работы Николая Ге

Лев Николаевич и Софья Андреевна в 1907 году

Л.Н.Толстой в Ясной Поляне в 1910 году

(Перевод Н. Сикорской)

От редакции: Мы приглашаем всех читателей на [вечер](#), посвященный Л.Н. Толстому, где вы

сможете и услышать, и увидеть "Крейцерову сонату".

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
